

НАША ИСТОРИЯ

УДК 02(470)(092)

Ю. Н. Столяров

*Научный центр исследований книжной культуры РАН,
Московский государственный институт культуры*

Товарищ Рубакин – советский персональный пенсионер. Штрих к биографии великого библиотековеда и просветителя

Раскрыты неизвестные обстоятельства удивительного факта – назначения Н. А. Рубакину (1862–1946), проживавшему и работавшему в Швейцарии, персональной пенсии от советского правительства. Благодаря этому эпизоду биографии представилась возможность рассмотреть и охарактеризовать отношение Н. А. Рубакина как к советской действительности, так и к западной демократии, продемонстрировать драматичность ситуации, в которой ему приходилось жить и творить.

Статья основана на архивных документах.

Ключевые слова: Н. А. Рубакин, библиотековедение, библиопсихология, А. В. Луначарский, В. И. Чарнолуцкий.

UDC 02(470)(092)

Yuri Stolyarov

*Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia*

Comrade Rubakin – the Soviet personal pensioner. A detail in the biography of the great librarian and educator

Unknown and amazing circumstances of the granting pension to Nikolai (Nicholas) Rubakin (1862–1946), then resident in Switzerland, by the Soviet Government, are revealed. The author takes the chance to review and characterize Rubakin's attitude towards Soviet realities and Western democracy, and to demonstrate the drama of Rubakin's life and work. Based on archival documents.

Keywords: Nikolai Alexandrovich Rubakin (Nicholas Rubakin), library studies, bibliopsychology, Anatoly Lunacharsky, Vladimir Charnolusky.

Great Russian librarian and educator Mr. Rubakin in 1908 moved to Switzerland, but retained his Russian citizenship, in 1918 he became a citizen of the Soviet Russia. He studied the possibility to come back. Hard times the Rubakin family began to experience since 1914, when the First World War has limited the publication of his books. In the first years after the October revolution, despite the civil war and terrible destruction in Russia, even when the newspaper printed only for their posting on the major urban streets, so that everyone can come and read the news, books by Rubakin were reprinted in great number of copies. In 1919-1920 only the Petrograd authority issued 1.42 million copies of his 22 non-fiction books, there were widely reprinted and local publishers. But nobody paid royalty. When in 1924 the financial situation became hopeless, he insisted on realization of earlier Petrograd authority decision on payment. However, the execution of this decision greatly delayed. First, Soviet Russia has not developed regulations on copyright legislation, and secondly, on the part of Western countries it has been declared a boycott to Soviet Russia, and the postal service, as well as banking transactions were broken, in any case with Switzerland, where he lived. Desperate waiting for a fee, Mr. Rubakin decided to apply for the appointment the increased personal pension for 40 years of his educational and revolutionary activity for the benefit of all the people. In the beginning of 1921 Mr. Rubakin appealed to the People's Commissar of Education Mr. Lunacharsky (who was supervising national publishing). "I write to you on urgent business. My financial situation has become completely unbearable. Until now, the People's Commissars did not fulfill its judgment on the payment of my fees for 22 my book, republished in 1918-1922". Mr. Rubakin clarifies some details. In particular, he focuses on the fact that in 1892 he gave his library to the services of revolutionary groups; collections were used by many Russian social democrats. After three months, the issue of pensions was solved positively. During World War II Mr. Rubakin helped to prisoners of war by means of his library.

«Я полагаю, что моя долгая трудовая жизнь, вся направленная на служение интересам рабочих и крестьян, самые результаты этой жизни дают мне, наконец, право просить у рабоче-крестьянского правительства обеспечить остаток дней моей жизни».

Н. А. Рубакин

Довольно экстравагантное заглавие этой статьи вызвано тем, что о личности и творчестве выдающегося деятеля библиотекведения, библио-

графоведения, книговедения, автора сотен научно-популярных книг и статей на 28 языках, ещё при его жизни разошедшихся по миру 20-миллионным тиражом, *Николая Александровича Рубакина* (1862–1946) сложились весьма сомнительные представления.

Принято считать, что он эмигрировал в Швейцарию, после Октябрьской революции находился в стойкой оппозиции к советскому строю и т.д. Поэтому у многих вызывает недоумение: как получилось, что в 1929 г. в СССР была издана его «Психология читателя и книги», которая, по оценке советских библиотечковедов, страдает эклектичностью методологической основы и научными противоречиями. Странно также, почему эмигранту Рубакину была назначена персональная пенсия союзного значения.

Суть библиологической психологии заслуживает отдельного рассмотрения. В этой статье сосредоточимся на последнем факте.

Прежде всего важно развеять распространённое предубеждение о Рубакине-эмигранте. Спасаясь от преследований царского правительства, он в 1908 г. переехал на жительство в Швейцарию, но сохранил за собой российское подданство, в 1918 г. стал гражданином Советской России и всегда был верен своей Родине. Он всерьёз рассматривал возможность вернуться, но этому помешали состояние здоровья (Н. А. Рубакин страдал диабетом и нефритом, перенёс серьёзнейшую операцию, повлёкшую за собой гангрену), сложные семейные обстоятельства и финансовые затруднения. Вопреки представлениям о безбедном проживании в благополучной Швейцарии на самом деле Рубакин содержал семью только на гонорары от своих литературных трудов, да и те тратил преимущественно на приобретение книг и расходы на переписку с тысячами корреспондентов по всему миру.

Материальные затруднения семья Рубакина начала испытывать с 1914 г., что объяснялось условиями начавшейся Первой мировой войны: сократилось издание рубакинских книг, возможности внешних сношений. После Октябрьской революции и непризнания Советской России западными государствами материальное положение Н. А. Рубакина ещё больше ухудшилось.

В первые годы после революции в условиях гражданской войны и страшной разрухи в России, когда даже газеты печатали только для их вывешивания на крупных городских площадях, чтобы каждый мог подойти и ознакомиться с новостями, книги Н. А. Рубакина переиздавались гигантскими тиражами. В 1919–1920 гг. только Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил 22 научно-популярные книги тиражом 1,42 млн экз. Широко переиздавали их и местные издательства.

Между тем вопрос о согласовании с автором перепечатки его книг, выплате ему гонорара поначалу даже не возникал. Н. А. Рубакин, тщательно следивший за состоянием книгоиздания в России, знал и о ситуации с пуб-

ликацией своих произведений. До тех пор, пока ему хватало прежних сбережений, он мирился с нарушением своих авторских прав. Но когда материальное положение стало безвыходным, он после долгих мытарств добился принятия в 1924 г. Совнаркомом постановления об оплате своего труда [1]. Однако исполнение этого постановления сильно задерживалось. Во-первых, Советская Россия ещё не выработала нормативных актов об авторском праве, а во-вторых, со стороны западных стран ей был объявлен бойкот, и почтовая связь была нарушена, банковские операции, во всяком случае со Швейцарией, где проживал Н. А. Рубакин, не производились.

Отчаявшись дождаться гонорара, Н. А. Рубакин решил принять предложение В. И. Чарнолуцкого, своего давнего коллеги и юриста по университетскому образованию, который тоже был бескорыстным и преданным делу просвещения специалистом, ходатайствовать о назначении повышенной персональной пенсии за 40 лет просветительной и революционной работы на благо всего народа. Поначалу Рубакин, занятый общественными делами, отнёсся к этому индифферентно, но теперь ситуация изменилась. В письме к В. И. Чарнолуцкому от 7 мая 1926 г. Н. А. Рубакин интересуется, как обстоит дело с назначением пенсии [Там же].

В начале 1921 г. (17 января) Н. А. Рубакин был вынужден обратиться к наркому просвещения А. В. Луначарскому (в его ведении находилось и издательское дело) с письмом, которое начиналось словами: «Дорогой Анатолий Васильевич! ...Вы когда-то сказали мне, чтобы я обратился прямо к Вам, когда мне придётся особенно скверно. Теперь наступил такой момент. ...Я нахожусь в крайне тяжёлом и стеснённом положении и к тому же на правах “преследуемого” (швейцарские власти, русские эмигранты считали его большевиком. – Ю. С.). Полагаю, что я как старый революционер заслуживаю того, чтобы мне была дана работа, которая могла бы поддержать моё и моей семьи скромное существование при здешней дороговизне. Я как опытный работник желаю работать не за страх и не ради выгоды, а на пользу дела. Кроме того, Петроградский ЦИК (Малкин) переиздал целый ряд моих народных книжек по естествознанию, я за них ничего не получил, а сам сижу в долгах. Переведите мне, пожалуйста, мой гонорар сюда поскорее, через здешний Красный Крест» [2].

Это обращение, как и многие другие, осталось без ответа, и Н. А. Рубакин был вынужден вновь потревожить В. И. Чарнолуцкого в конце 1927 (!) г.: «Дорогой Владимир Иванович! Пишу Вам по неотложному делу. Моё материальное положение стало окончательно невыносимым. До сих пор Совнарком не исполнил своего постановления об уплате мне гонорара за 22 моих книжки, переизданные в 1918–1922 гг. Другие издательства, особенно “Полесская печать”, надувают, не платят безбожно. Библиотеке,

Секции и семье, и всем работам жизни грозит в очень близком будущем самая серьёзная опасность» [1. Л. 12].

Нужда заставляет Н. А. Рубакина вернуться к вопросу о назначении пенсии и «двинуть» это дело возможно скорее – и не потому, объясняет он В. И. Чарнолускому, «что я потерял работоспособность, а потому, что нет никакой возможности найти заработок хотя бы 200 руб. в месяц. Помогите мне, пожалуйста, в хлопотах о пенсии, поговорите с кем найдёте нужным (Крупской, Луначарским и другими меня лично знающими) и дайте мне практический совет, как и к кому мне обратиться». Для того, чтобы с чиновниками было общаться легче, Н. А. Рубакин сообщает о себе следующие сведения: «С 1918 г. я состою русским, а не швейцарским гражданином (кто-то где-то напечатал обо мне эту ерунду): поработав весь век для трудящихся классов, отрекусь ли я от них?»

Н. А. Рубакин напоминает, что уже несколько лет сотрудничает со Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей. О связи с Советским Союзом свидетельствует и тот факт, что в Русском библиографическом обществе при Московском университете был прочитан его доклад, а затем ещё один доклад был отправлен в Общество любителей русской словесности, которое избрало его своим членом. Доклад был посвящён принципам библиопсихологии, которую «не понимают только в СССР», поскольку советские критики «так угобздили (исказили, извратили. – Ю. С.) библиопсихологию отсебятиной и так преврали, исказили мои идеи, что я даже и возражать им не стал» [Там же].

Выяснилось, что по существующему порядку для того, чтобы иметь право ходатайствовать о назначении персональной пенсии всесоюзного масштаба, сначала нужно заручиться поддержкой известных и влиятельных лиц. Контакты с ними были сильно затруднены, поскольку приходилось пользоваться международной почтой, что бросало политическую тень на корреспондентов Рубакина. Тем не менее к началу 1930 г. он получил письменную поддержку А. М. Горького, М. Н. Покровского (заместителя наркома просвещения, историка; 1868–1932), С. И. Мицкевича (заместителя заведующего внешкольным отделом Наркомпроса, историка; 1869–1944), М. П. Кристи (уполномоченного Наркомпроса в Петрограде; в 1926–1928 гг. – заместителя начальника Главнауки; 1875–1956) [3].

31 марта 1930 г. Н. А. Рубакин наконец-то получил возможность направить в Совнарком заявление [4] с приложением своей краткой биографии и поддерживающих ходатайств. Оно представляет собой своего рода собственноручно подведённый итог его 68-летней жизни: выделены самые главные моменты творческой деятельности, которые взвешенно сформулированы. Заявление можно рассматривать как самоаттестацию автора, его

основных мировоззренческих позиций. Н. А. Рубакин проясняет свои политические взгляды и отношение к советской власти, объясняет причины того, почему он с семьёй проживает за границей. Считаю целесообразным воспроизвести этот документ практически полностью:

«Лозанна 31 марта 1930 г.

В Совет Народных Комиссаров

Настоящим письмом я обращаюсь к вам как к представителям Рабоче-крестьянского правительства с просьбой об установлении мне повышенной пенсии в максимальном размере.

В течение свыше 45 лет вся моя литературно-научная деятельность была направлена на обслуживание рабоче-крестьянских масс. Многие поколения рабочих и крестьян, принадлежащих ко всем народностям, составляющих теперь СССР, получили первые знания из моих книжек, были зажжены духом борьбы против существующего строя после прочтения моих книжек. Десятки тысяч рабочих и крестьян были со мной в личной переписке. Мною первым в России было предпринято обследование читающей рабоче-крестьянской массы. Свыше 250 научно-популярных книг по всем отраслям знания, написанных в строго материалистическом духе, были мною брошены в массу и разошлись во многих миллионах экземпляров.

И тем не менее за всю мою долгую жизнь я, как любой рабочий в капиталистическом государстве, жил только на свой скудный заработок изо дня в день. Никогда не смог я ничего отложить из своего заработка хотя бы на несколько месяцев спокойной жизни, в то время как издание моих книжек давало огромные барыши издателем. Теперь мне скоро семьдесят лет, а я, несмотря на болезнь, на огромную усталость, должен выбиваться из последних сил, чтобы зарабатывать на жизнь.

Уже свыше двадцати лет живу я в Швейцарии, куда в 1908 г. мне пришлось уехать, бежав от преследований царского правительства. По условиям моей болезни и работы мне пришлось поселиться здесь надолго. Теперь я слишком стар, чтобы менять насиженное место и переезжать в СССР. Но с первых же дней создания рабоче-крестьянского государства я заявил, что считаю себя гражданином его, ибо в нём увидел я осуществление тех идеалов, за которые я боролся всю мою жизнь. Живя здесь, за границей, я делал всё возможное, чтобы осведомлять как путём печати, так и путём личных бесед иностранные круги с истинным положением и грандиозным строительством в СССР.

За последние годы на основании моего почти полувекового опыта мною была разработана научная теория чтения и воздействия книги на читателя. Теории мои получили широкое распространение и в СССР, ибо

они являются прежде всего теориями научной пропаганды. Нет в СССР библиотекаря, нет человека, работающего в области народного образования, который так или иначе не применял бы моих теорий. Добавлю, что и в Европе за последнее время мои теории получили всё большее и большее распространение.

<...> Я полагаю, что моя долгая трудовая жизнь, вся направленная на служение интересам рабочих и крестьян, самые результаты этой жизни дают мне, наконец, право просить у рабоче-крестьянского правительства обеспечить остаток дней моей жизни. Никогда ещё не просил ни у кого помощи и вплоть до этих дней стоял на своих ногах. Но стоять больше у меня нет сил, и у меня нет средств, чтобы наконец получить, первый раз в жизни, долгожданный отдых. На пороге 70 лет я прошу у рабоче-крестьянского правительства того, на что каждый рабочий в СССР, достигший 55 лет, имеет право. И если я вынужден теперь обратиться за этой помощью, то потому, что жить мне больше нечем – моя научная работа даёт мне имя в Европе, но не даёт средств, - а продолжать работу ради заработка дальше у меня нет больше физических сил. <...> Это моё письмо – даже не только просьба, а призыв, последний призыв к рабоче-крестьянскому правительству от человека, который отдал всё лучшее в своей жизни на работу для крестьян и рабочих, и который теперь, в старости, должен биться из-за куска хлеба.

Н. А. Рубакин».

В Краткой биографии Н. А. Рубакин уточняет некоторые детали. В частности, акцентирует внимание на том, что в 1892 г. он предоставил свою библиотеку к услугам революционных кружков; её фондами пользовались многие прогрессивные деятели социал-демократического направления. В организованном им Подвижном музее учебных пособий трудились Е. Д. Стасова, А. М. Коллонтай, М. И. Страхова и многие другие лица левых убеждений, которых он называет своими друзьями и соратниками. Заграничной библиотекой пользовались «В. Ленин, А. Луначарский, М. Кристи, Ф. Кон, Мануйльский, В. Фигнер, А. Трояновский, П. Маслов и мн. др., а Г. Плеханов не раз благодарил меня за ту помощь, которую я ему оказывал». Отмечает он и тот факт, что в составлении библиографического указателя «Среди книг» ему помогали «В. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Кропоткин и мн. др. революционеры».

С учётом специфики адресата в этих документах выделены те моменты, которые характеризуют Н. А. Рубакина в глазах советского правительства с наиболее выигрышной стороны. Вместе с тем в заявлении отсутствуют какие-либо натяжки или искусственный подгон тех или иных фактов под

заданный формат. Другое дело, что здесь сказана правда, только правда и ничего, кроме правды, однако представлена *не вся* правда. То, что осталось за рамками заявления, относится к общему жизненному кредо Н. А. Рубакина: истина и справедливость превыше какой бы то ни было партийной программы; тех, кто «не с нами», следует стремиться сделать своими союзниками; в основе взаимоотношений с людьми – то, что их объединяет, а не разъединяет, и т.д. Этим принципам Н. А. Рубакин следовал всю жизнь, сохранил им верность и в данном случае.

Через три месяца вопрос о пенсии был решён положительно, причём явно с участием высшего партийного органа – ЦК ВКП(б). Основание для такого заключения даёт публикация 24 июня 1930 г. одновременно в двух центральных органах печати – партийной газете «Правда» и органе ВЦИК – газете «Известия». Текст сообщения гласил:

«Постановление

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

О назначении персональной пенсии Рубакину, Н. А.

Ввиду выдающихся заслуг Рубакина Н. А. в деле просвещения широких масс трудящихся Совет Народных Комиссаров постановляет:

Назначить тов. Рубакину Николаю Александровичу, с 1 июня 1930 г. пожизненную персональную пенсию в размере 250 рублей в месяц.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

А. И. Рыков

Управделами С. Н. К. Союза ССР и С. Т. О

Н. Горбунов.

Москва, Кремль, 16 июня 1930 г., № 66».

Эта акция была осуществлена главным образом в расчёте на получение идеологических дивидендов от мировой интеллектуальной элиты, поскольку Н. А. Рубакин пользовался международной известностью и колоссальным авторитетом за рубежом. Для такого вывода имеются следующие основания:

1. Н. А. Рубакину о решении советского правительства сообщено не было – о нём он узнал из газет, причём правая пресса сразу же обвинила его в том, что он продался большевикам, поэтому швейцарские власти обязаны ввести против него санкции и т.п.

2. О назначении пенсии было объявлено, но, чтобы её получить, Н. А. Рубакину пришлось напоминать о себе и предпринимать другие значительные усилия. В конце концов Наркомсобес изыскал возможность пересылать пенсию в валюте кружным путём, через Стокгольм. Делалось это нерегулярно; в ответ на жалобы сыну по этому поводу тот пояснял (8 февр. 1940 г., т.е. через десять лет после назначения пенсии): «Если бы ты жил не

в Швейцарии, а в Москве, всё было бы давно улажено и пенсию свою ты бы получал регулярно. Но раз ты живёшь в Швейцарии, то по крайней мере сноси и неудобства, связанные с этим проживанием. Ты как-то не отдаёшь себе отчёта о том, что происходит на свете» [5]. А уже шла Вторая мировая война, радикально поломавшая установившиеся было связи. Вдобавок следует иметь в виду сложнейшую политическую обстановку террора в СССР. Н. А. Рубакину же казалось, что коль скоро его вопрос решён на высшем правительственном уровне, то все препятствия должны быть сняты. Сын же с оттенком досады упрекал его: «Ты живёшь даже не на Луне, а где-то за Луной, откуда и Луны-то не видно, не то что Земли» [Там же. Л. 2 об.].

3. Практически одновременно с назначением пенсии труды Рубакина перестали издавать в нашей стране, а имеющиеся книги начали изымать из библиотек. Такая несправедливость стала для него новым необъяснимым тяжёлым ударом.

В то же время началась травля Н. А. Рубакина в умеренной швейцарской и эмигрантской антисоветской прессе. Будучи возмущённым ещё и этим, Н. А. Рубакин подготовил отповедь своим газетным оппонентам [3. Л. 53, 53 об.]. Он отметил, что гостеприимством Швейцарии пользуется уже 22 года и никогда им не злоупотреблял. Злонамеренность публикаций, порочащих его честь, он усматривал в том, что в них из сообщения Совнаркома СССР выброшена причина назначения пенсии – «за выдающиеся заслуги в деле просвещения широких масс трудящихся».

Н. А. Рубакин обличает газеты якобы «свободной, республиканской, демократической Швейцарии», которые «уже вылили на меня целый ушат инсинуаций и диффамаций – приём, за который они сами вот уже 12 лет упрекают большевиков». И задаёт им вопрос: «Что сделал я предосудительного, проработав целых 45 лет не только по мере своих сил, но и сверх сил, и при самых тяжёлых условиях как до, так и после революции 1917 г. исключительно для поднятия культурного уровня моего народа, да и других народов, не вмешиваясь с 1919 г. ни в какую политику, не участвуя ни в русской, ни в иностранной политической прессе и считая, что культура и образование необходимы решительно для всякого народа и при всяком правительстве?»

Для доказательства вздорности предъявляемых обвинений в том, что он берёт деньги от кровавого правительства, Н. А. Рубакин приводит убедительную аналогию: Швейцария тоже берёт деньги за поставляемые товары, и газеты «не видят в этом ничего предосудительного и не кричат: зачем продаёте часы, плуги и т.д. тому же правительству».

Для большей уверенности в качестве своего перевода на французский язык он обратился с просьбой о помощи к сыну [Там же. Л. 44]. Однако Александр отнёсся к идее ответа резко отрицательно, отказавшись править

текст. Он полагал, что будет правильнее проигнорировать эти выпады, а в крайнем случае просил прислать ему в Париж вырезки из швейцарских газет с обещанием составить ответ самостоятельно, поскольку он лучше знает психологию буржуазной прессы [3. Л. 43]. Н. А. Рубакин всё же отправил сильно сокращённый и «высушенный», т.е. освобождённый от эмоций, ответ в лозанские газеты и в одном случае достиг цели.

Таким образом, Рубакину пришлось отбивать атаки и справа, и слева. Тяжела участь незаурядного человека, трудно ему найти понимание в окружающей его среде, включая самых близких и родных людей. Тем не менее Н. А. Рубакин стоически нёс свой крест всю жизнь. Известно, что Вторая мировая война обусловила ещё одну его подвижническую деятельность: помогать книгами русским военнопленным и беженцам, которым удалось спастись в нейтральной Швейцарии. Через сочувствующих его делу ценителей его знаменитой на весь мир библиотеки Рубакину удалось организовать материальную и юридическую помощь интернированным гражданам. В общей сложности через его библиотеку прошло около 10 тыс. (!) навеки благодарных ему людей [6. С. 152].

...Это глубокое заблуждение, что Н. А. Рубакин – эклектик. Это ошибка, что его теория библиопсихологии имеет отвлечённый, скорее умозрительный, чем практический характер. В ней, к сожалению (к сожалению, поскольку с начала её разработки срок прошёл достаточный – 100 лет!), ещё только предстоит основательно разбираться. Но одно можно уверенно утверждать и сегодня: она действительно представляет собой фундаментальную теоретическую основу как комплектования библиотечного фонда, так и библиотечного обслуживания.

Равно ошибочно оценивать Н. А. Рубакина однозначно: считать его противником советского строя или сторонником буржуазной демократии.

В год 155-летия со дня рождения этого великого учёного и практика пора наконец-то взглянуть адекватно на его жизнь и деятельность и воздать должное его неопределимым заслугам перед мировым библиотековедением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **ОР РГБ.** Ф. 358 Н. А. Рубакин. Картон 187. Ед. хр. 27. Л. 11.
ОР РГБ. F. 358 N. A. Rubakin. Karton 187. Ed. hr. 27. L. 11.
2. **ОР РГБ.** Ф. 358 Н. А. Рубакин. Картон 177. Ед. хр. 38. Л. 1.
ОР РГБ. F. 358 N. A. Rubakin. Karton 177. Ed. hr. 38. L. 1.

3. **ОР РГБ.** Ф. 358 Н. А. Рубакин. Картон 350. Ед. хр. 4. Дело о получении Н. А. Рубакиным персональной пенсии от Совета Народных Комиссаров СССР.

OR RGB. F. 358 N. A. Rubakin. Karton 350. Ed. hr. 4. Delo o poluchenii N. A. Rubakinym personalnoy pensii ot Soveta Narodnyh Komissarov SSSR.

4. **ОР РГБ.** Ф. 358 Н. А. Рубакин. Картон 177. Ед. хр. 4. Л. 7–8.

OR RGB. F. 358 N. A. Rubakin. Karton 177. Ed. hr. 4. L. 7–8.

5. **ОР РГБ.** Ф. 358 Н. А. Рубакин. Картон 269. Ед. хр. 3. Л. 2.

OR RGB. F. 358 N. A. Rubakin. Karton 269. Ed. hr. 3. L. 2.

6. **Рубакин А. Н.** Рубакин. Лотман книжного моря / А. Рубакин. – Москва : Молодая гвардия, 1967. – 176 с. – Жизнь замечательных людей : серия биографий. Вып. 9 (437).

Rubakin A. N. Rubakin. Lotsman knizhnogo morya / A. Rubakin. – Moskva : Molodaya gvardiya, 1967. – 176 s. – Zhizn zamechatelnyh lyudey : seriya biografiy. Vyp. 9 (437).

Yuri Stolyarov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy of Sciences, Professor, Moscow State Institute of Culture;

yn100@narod.ru

90, Profsoyuznaya st., 117864 Moscow, Russia